

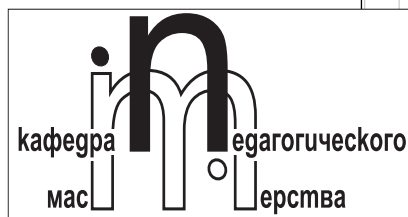
Лев Толстой: «ЧЕМ С МЕНЬШИМ ПРИНУЖДЕНИЕМ УЧАТСЯ ДЕТИ, ТЕМ МЕТОД ЛУЧШЕ; ЧЕМ С БОЛЬШИМ — ТЕМ ХУЖЕ»

*История педагогики в лицах
и любопытных фактах*

Наука и учение казались людям тех времен настолько чуждыми природе ребёнка, что никому и в голову не приходило, будто мальчику может нравиться учиться. Ребёнок учиться не хочет – вот это естественно. Значит, чтобы научить его, надо его заставить. А так как заставляли всех подряд и принуждение отбивало охоту учиться даже у тех, у кого она была, то и примеров таких не знали, чтоб малыши выучились грамоте без битья и угроз. (Ломоносов и другие вроде него казались странными, и можно даже понять его мачеху – понять, отчего она бранила его за сидение над книгами. Это могло и пугать её как нечто неестественное. А сам Ломоносов всю жизнь с презрением относился к тем, кто «из-под лозы», как он говорил, выучился.)

Перед нами обычно человеческое заблуждение: следствие принимается за причину, причина – за следствие. Битьё считалось следствием неохоты детей учиться. На самом деле именно битьё это (вообще принуждение) было причиной неохоты.

Понадобилось очень много времени, чтобы распутать клубок, понять: каждый ребёнок хо-

*Отрывки из книги
Симона Соловейчика
«Час ученичества»*

**Учитель и учение неразрывны.
Нельзя быть учителем,
не умея быть учеником,
и нельзя понять смысла
слова «ученик», не узнав
всё, что можно, об учителе.**

чет учиться; и стоит педагогу опереться на это желание, как дело пойдёт само собой – без кнута и даже порою без пряника.

* * *

Впервые в XVIII веке в русских школах вместо маленьких грифельных досок появилась одна, общая для всех классная доска, на которой учитель мелом писал для всего класса.

Впервые стали устраивать перед уроками переключки и говорить на переключках: «Здесь!»

Впервые установили правило: кто знает и хочет отвечать, подними левую руку. (И это надо было изобрести, ничего на свете не приходит само собою!)

Всё было впервые, как в первый день творения.

* * *

Но реформа 1786 года была подорвана в самом своем основании. Пожертвования поступали нерегулярно. Учителя не получали жалованья. Попадали в полную зависимость от благодетелей. Голодали. *«Часто не имели сапогов и чулков, – пишет один свидетель, – вместо которых обёртывали ноги в бумагу»*. Комиссия училищ была завалена жалобами. В 1789 году учитель Кронштадтского училища Рожковский, не найдя другого способа выйти из учителей, отрубил себе палец...

Но всё-таки учителя есть, есть и учебники, жертвованы, предпо-

ложим, и средства. А кто «пожертвует» учеников?

Новая школа с её новыми правилами вызывала опасения. Как это учить детей без розги? Пустая трата времени... Лучше уж по старинке. Новшества принимались так же неохотно, как и другие нововведения екатерининских времен, как разведение картофеля и оспопрививание. Чтобы показать пример, Екатерина первой сделала себе прививку против оспы. Но престолонаследника в уездную школу не пошлешь...

Державин в Тамбове сгонял детей в школу с помощью полицейских.

Через два года после реформы чиновник Козодавлев обнаружил, что никто не хочет посылать детей в старшие классы: *«Всякий знает, что для снискания места в гражданской службе нужно одно токмо чистописание»*. Зачем же учиться дальше?

И Екатерина II постепенно охладела к просветительской деятельности, найдя себе в качестве оправдания спасительную мысль о том, что *«перед Богом тысяча лет не более как одно мгновение»*. Так зачем же торопиться?

* * *

Когда мы говорим «просвещённый запад», не надо думать, будто Россия времён Екатерины была единственной в Европе тёмной страной. В XVIII веке соседи наши тоже не могли похвастаться: народ-

ное образование было у них поставлено ненамного лучше, чем у нас.

Современная английская исследовательница пишет, что образование нарда для Англии начала XIX века – «новая идея».

Другой историк описывает немецкую школу конца XVIII века в таких выражениях: «Учителя жили в жалких лачугах... Нередко обучением детей занимались отставные солдаты, уволенные за различные проступки, сельские писцы, мелкие чиновники... портные, сапожники, ткачи, переплётчики». «Впрочем, то же мы видим и в других странах, – замечает автор, – например, в США».

Но уже с конца XVIII века в Австрии школы создавались в селе. В России – только в уездных городах. Огромная масса крестьянских детей осталась вне школы или по-прежнему в случайных школах «мастеров грамоты».

* * *

Жак Руссо первым сказал самую важную и самую трудную для претворения на практике педагогическую истину: воспитание – это и есть жизнь, а не подготовка к жизни. Ребёнок, подросток, юноша не учится *будущей* жизни – он просто живёт! У него свои заботы, свои радости, свои задачи роста, и воспитание надо *приноравливать* к этим его задачам и потребностям. Воспитывая и обучая, надо исходить не из наших, взрослых, представлений, как бы значительны и правиль-

ны они ни были, а из потребностей и возможностей ученика, из природы ребёнка. «Природа желает, – писал он, – чтобы дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми». И потому – «любите детство, поощряйте его игры и забавы».

Руссо был пылкий человек. Ему не нравились все современные ему учебники и вообще науки: они уводили, по его мнению, человека от природы, от естественных чувств, естественных радостей, естественных душевных движений. Назад к природе! А наука ни к чему. Вот это-то и подало повод для насмешек, не прекращающихся уже триста лет. Как только человек заговорит о простом и естественном в воспитании, ему отвечают: «Ну, это уж совсем Руссо». Хотя ещё Николай Иванович Новиков высмеивал людей, которые из всего Руссо усвоили лишь одно: что, дескать, не надо учиться никаким наукам...

* * *

Николай I – ему нельзя отказать в пронциательности – сразу установил, что между восстанием декабристов и развитием просвещения есть определённая связь.

Образование пока что имело только дворянство, и вот уже оно даёт ответный урок на Сенатской площади. А если выучить весь «подлый» народ? Что тогда будет?

Когда царь стал ездить по гимназиям, он делал это вовсе не из любви к знаниям. Самого-

то его с трудом кое-чему выучили – принуждениями, угрозами и розгой. Русского императора в детстве жестоко секли! И лучше всего он умел поднимать ружье «на пле-чо», ставить его с мгновенным грохотом «к но-ге» да барабанить в армейский барабан. В этих делах он мог показать личный пример любому солдату и барабанщику. В гимназии же ему нечего было делать. Царь ездил по гимназиям, как разведчик во вражеском стане. В гимназии таились его враги.

С начала XIX века для правительства стало очевидным, что, продолжая дело народного просвещения, оно тем самым роет себе могилу.

* * *

Перед каждым новым Романовым, занимавшим русский престол, возникала одна и та же неразрешимая до конца задача: как совместить просвещение с сохранением власти?

Каждый из них, начиная царствовать, с монотонным однообразием обнаруживал и объявлял, что *до него* школ для народа фактически не существовало, и принимался создавать их будто вновь. Так было с Екатериной II, и с Александром I и с Николаем I, а позже с Александром II. И каждый новый Романов, используя печальный опыт предыдущего (а положительного опыта так и не было, только печальный), пытался найти меры, которые охра-

нили бы самодержавную власть от угрозы со стороны просвещения.

Екатерина II была ещё неопытна. Она слишком боялась Пугачёва и, кажется, не ожидала удара с другой стороны – со стороны Радищева и Новикова.

Александр I действовал осмотрительнее: при нём за бунт уже считали, например, случай в педагогическом институте, когда 24 студента, войдя в сговор с портным, сшили себе мундиры *неуставного* покроя (наверно, расклешили или, наоборот, заузили панталоны). Из этого вышла целая история. Но правительство Александра, как и он сам, было непоследовательно: то посылали студентов учиться за границу, то, когда они возвращались и становились профессорами, увольняли их за свободолобивые мысли; то отменяли плату за обучение, то вновь вводили её; то открывали, то закрывали школы. В начале царства учредили Казанский университет, а в конце раздавался призыв разрушить его до основания, скрыть как источник крамолы. Александр I крамолу допускал, а уж потом, когда она становилась явной, пугался её и расправлялся с ней.

* * *

Николай I был основательней своих предшественников. Он старался довести надзор за образованием до самых его истоков. Так, чтобы никому и в голову не могло прийти сшить себе неуставный мун-

дир, не говоря уж о том, чтобы высказать вслух неуставную мысль. Что мундир? Когда инженерам-путейцам высочайшим разрешением «дали усы», то есть позволили не сбривать их, – это казалось милостью со стороны императора.

Один из самых первых рескриптов Николая был такой: «Воспретить всякие произвольные преподавания по произвольным книгам и тетрадям!»

Не только арестовывали и ссылали литераторов, не только (следующую ступень вглубь) лишили университеты самоуправления, запретили преподавать философию, приказали «очистить» все науки от «вредных умствований» – надзор был доведён до каждой гимназии, до каждой учительской комнаты, до каждого класса, учебника, тетради... глубже идти было некуда. Николай I мечтал о системе, которая придавала бы свободлюбивую мысль не тогда, когда она расцветёт и станет стихотворением, трактатом, революционным кружком, восстанием, а в самом её зародыше – на школьной парте.

Вот откуда его внимание и «любовь» к делам народного образования. Николаевский министр народного просвещения граф С. С. Уваров говорил в свое время одному начинающему профессору: «Знайте, молодой человек, что министр народного просвещения в России не я, не Сергей Семенович Уваров, а император Николай Павлович. Знайте это и помните».

* * *

«Если уничтожить строгую дисциплину – и школа разрушится, дети останутся без знаний!» – пугали со всех сторон. Как доказать, что казарменная дисциплина вовсе не обязательно должна сопутствовать учению?

Кто это сделает? Кто решится поставить такой дерзкий опыт – опыт на детях?

И вот в 60-е годы в России возникает школа – сначала только одна! – до того не похожая на все остальные, до того противоречащая принятым в педагогике правилам, что даже передовые учителя были смущены: а можно ли так учить?

Судите сами. Во все училища дети идут, как на каторгу, – в эту сами сбегаются с раннего утра, намаслив для красоты волосы козьим или деревянным маслом, у кого какое есть, а то и просто квасом намочив голову, – сбегаются задолго до того, как ударит колокол, начинавший первый урок.

Во все школы ребята идут, томясь от страха: «Вдруг вызовут? Вдруг забыл вызубренное накануне?» В этой уроков на дом не задают и вообще не вызывают к доске; ученики и не знают, что такое страх перед учителем. Во всех училищах и гимназиях ученики встречают учителя стоя навтыяжку – здесь, бывает, учитель, войдя в класс, может застать огромную кучу-малу, и не сразу, постепенно распадается она, не сразу приходят в себя расшалившиеся...

Но вот ни начинают слушать учителя, обступают его тесной толпой, прижимаясь друг к другу и к учителю, заглядывают ему прямо в рот и затаили дыхание от любопытства и интереса.

А если ученики выполняют задание и кто-то отличится, учитель от радости, от избытка чувств может подхватить отличившегося под мышки и посадить на шкаф, к потолку. На перемене 32-летний учитель, «дюжей, гладкий и некрасивый», катается с ребятами на коньках, вертится на турнике, дает мальчишкам пощупать, какие у него мускулы, или устраивает соревнование: «Бейте меня по спине кулаками. Кто сильнее ударит?»

Ребят он зовет шутливыми кличками: «Васька-карапуз», «Мурзик», «Обожжённое Ушко». Ребята смеются:

– А вас как дразнили в детстве?

– Меня? Лёвка-пузырь...

На уроке тоже полное равноправие. Учитель просит ребят написать рассказ по пословице, а они отвечают ему: «А ты сам попробуй напиши», – и учитель садится писать, показывает сочинённое детям, а те недовольны его произведением, поправляют его, сочиняют заново...

Больше того: в этой школе примерно раз в неделю ученики вдруг – задолго до конца уроков – хватают шапки и разбегаются по домам. Учитель кричит им вдогонку: «Куда вы? Ещё уроки...» – но его не слушают. Так, кто-то что-то сказал,

какое-то поветрие прошло: *неохота* сегодня учиться, и класс разбежался. А учитель не сердится. Он считает это нормальным и чуть ли не обязательным: чтобы дети могли раз в неделю вот так сбежать с уроков, а потом прийти как ни в чём не бывает. Это значит, говорит учитель, детям в школе хорошо...

Учитель этот считает, что дети – те же взрослые, и такие же у них потребности, и так же они мыслят, и все они сами хотят учиться – нечего их заставлять, ибо принуждением взрослые не поддерживают учение, а губят его.

Пожалуй, такую странную школу не смог бы создать человек, который получил формальное педагогическое образование или хотя бы сам в детстве посещал какую-нибудь школу. Воспоминания детства цепко держат взрослого человека. Но Лев Николаевич Толстой – а это он был создателем и учителем почти фантастической школы в Ясной Поляне – сам ни в какой школе не учился. Он, правда, перечитал много педагогических сочинений, он объездил лучшие учебные заведения Европы и всюду увидел одно: невежество, вольную или невольную жестокость учителей по отношению к детям, «глупость и вялость, и дисциплину механического учения, и тусклые, без света глаза учеников...».

Он не был революционером в политических своих взглядах, но слово, сказанное им в педагогике, было переворотом.

* * *

Невидимая черта отделяет в классе учительскую кафедру от ученических столов. Во времена Толстого почти все педагоги смотрели на класс с кафедры, искали способы, с помощью которых учителю удобнее учить. Толстой впервые взглянул на класс с другой стороны – с парты. Он искал способы преподавать так, чтобы ученику было удобно учиться.

Фактически он открыл существование целого мира – мира богатой внутренней жизни детей. Сначала – в «Детстве» и «Отрочестве», потом – в педагогической своей практике. Во времена Толстого этот мир был почти не известен педагогам или не учитывался ими. Толстому не приходилось выпытывать детские секреты: он мог сам нагнуться к уху мальчика и рассказать ему все его мальчишечьи тайны – он знал и понимал их.

Главным мериллом хорошего или дурного обучения он считал одно: возбуждение интереса детей к учению. Интересно детям учиться, светятся их глаза – хорошая школа; скучно им, тягостно, «тусклые, без света глаза» – школа дурная. «Хочешь наукой воспитать ученика, – обращался Толстой к учителю, – люби свою науку и знай её, и ученики полюбят и тебя, и твою науку, и ты воспитаешь их».

* * *

Толстой не придумал свою педагогику – он буквально выстрадал её, мучась и ошибаясь.

Известно выражение: «Ничто человеческое мне не чуждо...» Толстой в одной из своих педагогических статей говорит по-другому: «Не бойтесь, человеку ничто человеческое не вредно». Доверьтесь ученикам, положитесь на них; они наделают ошибок, но *человеку ничто человеческое не вредно*, и их ошибки принесут меньше беды, чем нудное, ханжеское наставление учителя-надзирателя.

Толстой «спустил детей с лавки» – на его уроках, бывало, кто лежал на животе, подперев голову руками, кто разваливался в кресле (был в классе одно кресло); он показывал буквы на доске не указкой – хворостинкой, но вовсе не эта свобода была его целью, не педагогические фокусы демонстрировал он; целью оставалось главное – учение. Свобода же учеников была *показателем* качества обучения. Чем лучше учитель знает свой предмет, чем больше он любит его, тем естественнее и свободнее его преподавание и тем меньше нужны ему строгость и принуждение.

* * *

Крестьяне сначала с неохотой отдавали детей в школу Толстого: там не бьют – значит, пустая трата времени, ничему и не научат.

Сейчас такое рассуждение кажется смешным, но все уверены, будто нельзя выучить детей, если не быть к ним строгими, не держать их под страхом плохой отметки и так далее. Может быть, через какое-то время эти страхи покажутся такими же нелепыми, как и страхи насчёт учения без розги?

Всякое принуждение указывает на недостатки метода преподавания. «Чем с меньшим принуждением учатся дети, тем метод лучше; чем с большим, тем хуже», – писал Толстой. Сам он прекрасно учил и потому обходился без принуждения детей учиться. Его школу можно назвать «свободной школой». Свободная школа не та, где свобода от учения, а где великолепно учат, и потому ученики чувствуют себя свободными.

* * *

Каждый рождённый на свет человек имеет право получить знания, свет, стать просвещённым. Если человеку причиталось большое наследство, а его кто-то прикарманил, и притом так ловко, что человек даже и не знает о наследстве, даже и не добивается его, не думает о нём, – ограблен он или нет? Учитель – человек, который охраняет и осуществляет право каждого ребёнка быть обученным, он – адвокат детей перед обществом, он вводит ребёнка в права наследства, наследства особого рода: но может принадле-

жать всем, не только не уменьшаясь, но увеличиваясь от раздачи и раздела.

Но можно и послать ученика в школу, однако при этом учить его так, что он не сможет, не захочет, не станет учиться. Назовём его лентяем, неспособным, как угодно: переложим всю вину на него, но факт остается фактом: этот ученик окажется обездоленным, ибо он, не получив причитавшегося ему от человечества наследства знаний. Учитель, не сумевший обучить ученика, – адвокат, проигравший процесс.

* * *

Любые, даже самые прекрасные воспитательные мероприятия теряют значение, если школьнику плохо, скучно, тоскливо на уроке, если он не понимает, о чём говорит учитель, если дневник его полон двоек, если он идёт на урок с тоской в сердце и оживляется лишь с последним звонком.

Для того чтобы детям было интересно учиться, вовсе не обязательно делать каждый урок занимательным, не нужно развлекать детей и придумывать что-то необыкновенное. Секрет интереса вовсе не в занимательности, а в успехах детей, в их ощущении роста, движения, достижения трудного.

Вчера не понимал – сегодня понял. Вот где радость! Вчера не умел – сегодня научился. Вот в чём счастье!